

О томъ, о семь...

В Нью-Йорк, в одном из негритянских клубов, в народном зале, висит портрет довольно смуглого мужчины, одетого в европейский костюм.

На вопрос: кто это? — черные администраторы клуба отвечают: — Это наш величайший негритянский поэт Александр Пушкин.

У кого то из французских романистов и мыслителей, и в Париже есть знаменитый негритянский клубок. Там висит портрет смуглого мужчины Пушкина, «нашего величайшего негритянского поэта».

Мне не хочется огорчать черных поклонников Александра Сергеевича, тем более, что ничего, кроме почтения и любви к поэту, они не выражают, — но их стремление почитать Пушкина очень смуглым человеком, не отвечает действительности.

Дело в томъ, господа, что «ваш» Пушкин (а если позволите, так и «ваш») написал французское стихотворение «Мой портрет», где сказано, что волосы у него были свѣтло-каштановые, а глаза свѣтлые. Таким образом, негритянский наружный облик не доказан. Это сказал сам Пушкин и ему приклинит вѣрить.

И, впрочем, я пишу эту поправку к негритянской портреты Пушкина отнюдь не из чувства патриотизма, — напротив, черные поклонники Пушкина и их «гордость» меня очень трогает. Но все таки нельзя же отрицать, что «поэтот» Гамбаза несколько обуревал, живя в Небесской губернии.

Если говорить о странных националистических претензиях, то трудно обойти молчаливо конгрессы румынских цыган, представивших румынскому правительству несколько своих претензий.

Чтобы никто, кроме цыган, не занимался гаданием.

Чтобы сократить в странах автомобильное движение, так как для цыган, торгующих ломом, автомобиль является настоящим бичом.

И еще десяток монополий на гадание (хотя, строго говоря, почему же?), но ограничить автомобильное движение будет труднее. Вся Европа не желает больше ездить на лошадах и рывительно переходить на автомобиль. В Париже конная полиция может встретиться не чаще, чем раз в год. Так что хотят

этого цыгане, или не хотят, но им придется вести убытки.

Однако, главная претензия этого цыганского населения такова, что ее хотелось бы как-нибудь сохранить в музее. Ведь как-никак, но наперед же в Европу придет автомобиль, поэтому, чтобы не «отдавать» Чехословакию, и в Сибири два русских гражданина, Головачев и Михайлов, требуют отобрания Сибири от России.

Такой уж выдался нынче день, что со всех сторон раздаются доклады и требования не совсем реального характера.

— Негры претендуют на Пушкина, цыгане отнимают автомобиль, венгры требуют, чтобы им «отдали» Чехословакию, а в Сибири два русских гражданина, Головачев и Михайлов, требуют отобрания Сибири от России.

И имать честь лично знать г. Головачева (по Петербургу) и как, кажется, он и тогда страдал тихим непониманием русских интересов и что то такое тащил о самостоятельной Сибири.

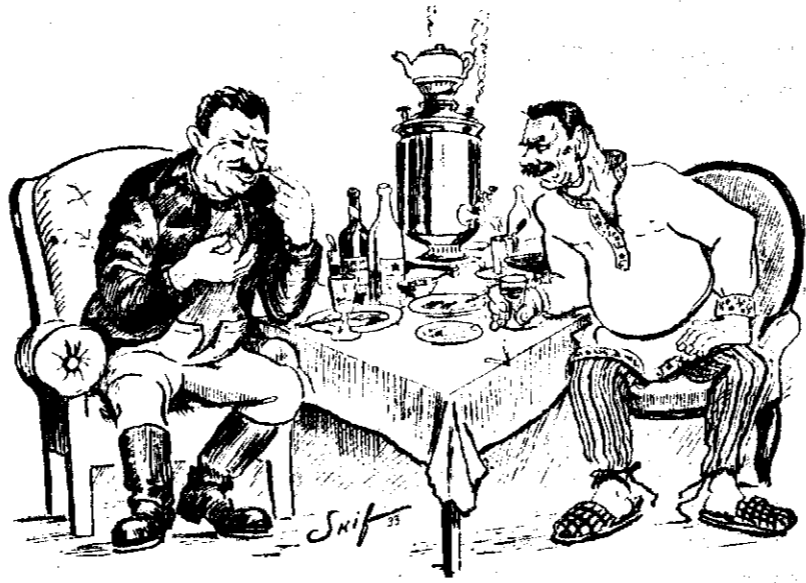
Зачѣмъ тогда ему нужна была самостоятельность, и сказать не ужо, но сейчас, когда Головачев состоит редактором манчурского полуофициала на русском языке «Гуан-Бао», его претензия говорить уже о большой неосторожности.

Неосторожность проявил и г. Михайлов, тоже «свой» человек, в японских кругах. Надо же, в самом деле, как-нибудь рывить вопрос о подданствѣ и о национальном интересе: нельзя, будучи по приходу «сплодаемъ», рывиться в японские «самураи». Причем же, публицистические лекции об отобрании Сибири, произнесенные при гробовом молчании аудитории, насколько не разбивают проблему отобрания.

Если г. Головачев может отобрать Сибирь, — пусть отобрать. Если это ему одному не по силам, пусть зовет на помощь г. Михайлова. Но посылать только русских рабы и в русской аудитории говорить о рывении русского государственного тела — это неприлично.

Довольно уже, как Сибирь присоединили к России Ермачъ, и очень странно видеть, что среди выступавших еще два Ермача:

— Иноский Ермачъ — Михайловъ и манчурский Ермачъ — Головачевъ. Александр Яблоновский.

— Нооелеская премия?.. Лауреат?.. Чепуха! Мы тебя сдѣлаемъ почетнымъ членомъ.

Вексель въ шесть метровъ

Такой вексель существует в Польше. Онъ былъ выданъ должникомъ в 1927 году, причемъ срокъ уплаты былъ назначенъ на 1 ноября того же года.

В виду того, что в дальнейшемъ этотъ вексель много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, на немъ постепенно скопился фа

мили 146 его валютныхъ, а такъ какъ метра для такого количества полоней не было, то участники операций приходились постепенно прикладывать к нему новые полоски валютной бумаги.

Такъ, в концѣ концовъ, длина векселя дошла до шести метровъ.

Милліонъ долларовъ за пощечину

Имя американской оперной пѣвицы Мари Макъ-Кормикъ только что упоминалось в газетахъ в связи съ ее бракоразводнымъ процессомъ. Она развелась съ Сергѣемъ Минави. Теперь ей имя вновь появилось во всѣхъ американскихъ газетахъ: къ артисткѣ предъявленъ искъ в одинъ миллионъ долларовъ ибной Миссъ Уильямсъ.

Нѣсколько дней назадъ Макъ-Кормикъ и Уильямсъ вступили въ одинъ адвокатский бюро; между ними завязался бурный разговоръ, и Макъ-Кормикъ нанесла своей собеседницѣ легкую пощечину; Уильямсъ написала биографію Сергѣя Минави, и нѣкоторые страны

этой книги весьма не понравились его бывшей женѣ.

Уильямсъ заявила журналистамъ: «Мое оскорбленное чувство и ущербъ, который я понесла отъ такой негритянской рекламы, принуждаютъ меня требовать судомъ не меньше миллиона долларовъ. Но если объ этомъ скандалѣ будутъ говорить слишкомъ много, я сама иска увеличу».

Въ дополненіе къ иску въ миллионъ долларовъ (возмещение за моральный ущербъ) Уильямсъ предъявила другой искъ въ одинъ долларъ за оскорбленіе дѣвственн.

Воспитанница Лидіи Какшть

Английскія газеты разсказываютъ интересную исторію, происшедшую на дняхъ съ русской балериной Лидіей Какшть, пошедшей революціи переселившейся в Лондонъ.

12 лѣтъ тому назадъ ее выдѣла на сценѣ жена богатого южно-африканскаго плантатора. Теперь, довольно серьезно забывая и находясь в лондонской клиникѣ, она обратилась къ г-жѣ Какшть съ просьбой принять на себя воспитаніе ея 7-лѣтней дочери Риты и сдѣлать изъ дѣвочки великую танцовщицу. Жена плантатора рывила, что г-жа Какшть подходитъ для

рози воспитательницы, хотя видѣла ее всего лишь три раза въ жизни.

Несмотря на большую отстраненность, возлагаемую подобной затѣей, балерина взялась за нее. Маленькая Рита знаетъ въ настоящее время у нея и уже начала брать уроки балетнаго искусства. Сказать, видѣла ли изъ нея вторая Павлова, пока еще трудно, конечно, не можетъ.

Удвоенъ дѣвочки принадлежать къ самымъ богатымъ и известнымъ англо-африканскимъ семьямъ. Ихъ имя держится въ тайнѣ, чтобы избежать газетной шумихи.

Выставка фокстерьеровъ

Въ выставочномъ паркѣ уездъ Норфолка Версай вчера открылась международная выставка фокстерьеровъ всѣхъ разновидностей. Выставлено 188 собакъ, изъ нихъ числѣтъ 84 настоящихъ фокстерьера. Наибольшее вниманіе привлекаетъ

жесткошерстный фокстерьеръ «Кржаидеръ», принадлежавшій американскому адвокату Конюру. Этотъ песь премировалъ на всѣхъ лучшихъ собачьихъ выставкахъ послѣднихъ лѣтъ и только что былъ награжденъ серебрянымъ кубкомъ на чикагской выставкѣ «Вѣкъ Прогресса».

Сегодня будетъ проведена распределеніе призовъ. Грань При города Парижа будетъ присужденъ особымъ комитетомъ, въ который входятъ президентъ республики, англійскій посолъ, министръ земледѣлія и представители Парижа.

Пажескій вечеръ

Билеты по 10 фр. у С. А. Мещерякова, 10, rue de Rivoli. Тѣл.: Arch. 51-38.

Волею Божіей тихо скончалась въ Венецѣ (Италія)

Екатерина Ивановна Гарднеръ,

родившаяся Дыхова.

о чемъ съ душевными скорбями извѣщаютъ дѣти, внуки и правнуки. Панихида въ 4 ч. 30 м. дня въ воскресенье 19-го ноября въ церкви на рю Дарю.

Во вторникъ 21-го сего ноября въ 6 м. вечера будетъ отслужена панихида въ русской церкви на г-нѣ Дарю въ субботу день кончины

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА

Иліодора Владиміровича Горленко

Кто не проститъ

Америка признала большевиковъ.

Внимая голосу газеты, И драваго посылало кроа. Уладу ли смеянныхъ лѣтъ Недолговѣаннаго героя?

Его, конечно, какъ то жалъ. По тупо вышло, какъ представилъ: Убѣлся гордо за рывъ. И вышнѣ зубы бѣдныхъ владннхъ...

Липъ только струны — тракт и крат! И то съ минутой каждой тупше. А мръ то раздался такъ. Довѣриво развѣсь уши...

Но дусть! Утѣшнтся герой, Въ отставку выйдя свиновождь. И машь, рожденная горой, Подохнетъ тихо подъ комодомъ.

И будетъ выпитымъ до дна Тотъ кубокъ глупости и чванства. Но въ мръ есть душа одна Испитавшаго постоянства.

Она молчитъ, она грознть, Она обиды не отуститъ.

Она лгивновскій вышнъ. До дней постынныхъ помнитъ будетъ.

Вражду навѣки прѣрша. Она воспринметъ смертъ, какъ благо. То славныхъ гангетеровъ душа, — Душа пошляго Чивата.

Нѣтъ гангетеръ не раздѣлитъ власти Съ московскимъ прилымъ леземъ-томъ...

Онъ сѣмъ, одинъ, желаетъ правъ. И прывъ пускать своимъ каблукамъ.

О, вѣтъ, не будетъ большевикъ. Въ его дѣл пошла вкраднть. Липъ для него въ какой то мръ Тяжелый долларамъ Чванннхъ...

Липъ одному ему блеснть. При стовъ жертвъ пошла рента. И она Губавтупу не проститъ Подсуднаго конкурента!...

Валентинъ Горняскій.

Ровесница Пушкина

Въ пригородѣ Харбина, Модагоу, только что скончалась старушка, ровесница Пушкина.

Ея возрастъ документально установленъ. Она родилась въ 1798 году и сейчасъ ей было 135 лѣтъ.

Имя женщины — Авдотья Анниова. Анниова присутствовала на коронаціи четырехъ русскихъ императоровъ и хорошо помнила нашествіе Наполеона.

Она сама считала до самой смерти вѣрн построй господѣ Головинныхъ. И о своихъ прѣдкахъ доверялась отзывалась съ большой теплотой.

Ваята въ Москвѣ, въ Головинскій домъ, въ вѣнчѣ служанки, Анниова не рыводила изъ пошляго въ пошляго. Не рывъ смерью старушка часто забывалась. Но въ моменты пробуденія х вель но подробно разсказывала о событіяхъ давно миновавшихъ дней и любила со всѣми подробностями описывать бытъ семьи Головинныхъ изъ Москвы въ 1812 г.

Нато полагаютъ, Авдотья Анниова была самая старая женщина, которая была не только одной русской императрицы, но и России въ цѣломъ.

— Въ Марсѣ арестовано три лица, занимающихся продажей опиума. Захвачено 3000 килограммовъ.

— Въ Врестѣ состоялся спускъ новаго французскаго крейсера «Ли Галиссоньеръ».

— Въ Санъ-Франциско гангстерами похищенъ богатый мѣстный фабрикантъ. Похитители требуютъ выкупа въ размѣрѣ 300 тысячъ долларовъ.

Аркадій Константиновичъ Рудановскій

скончался въ Ниццѣ. Панихида будетъ отслужена въ воскресенье 19-го ноября послѣ обѣды въ лжней церкви на г-нѣ Дарю.

Чествованіе И. А. Бунина

По инициативѣ русскихъ органовъ печати и литературно-культурныхъ организацій въ Парижѣ, въ воскресенье, 20-го ноября, въ 21 часъ, въ театрѣ Буисей-скаго Полей, состоится чествованіе И. А. Бунина, по случаю присужденія ему Нобелевской преміи.

Учрежденія и лица, желающія прислать

привѣтствія, благоволятъ направлять ихъ по адресу Союза русскихъ журналистовъ въ Парижѣ, 2, rue Буиско и редакцій русскихъ газетъ и журналовъ.

Билеты отъ 3 до 50 фр. поступаютъ въ продажу въ понедѣльникъ, 20 ноября, въ каскѣ театра.

Изъ Самары въ Катовицы подъ вагономъ

На одной изъ станцій линіи Катовицы—Смиановцы, подъ однимъ изъ вагоновъ былъ обнаруженъ пріютившійся

Настоящее малосольное Нѣвинскіе Огурчики И. КОСТАРЕВА (не переросшіе коринтоны) новаго урожая имѣются въ лучшихъ русскихъ магазинахъ и ресторанахъ Парижа.

тамъ подростокъ, сильно истощенный и одетый въ нищенскія домотопы.

Юношу отправили въ полицію. Здѣсь онъ сообщилъ, что его зовутъ Иваномъ. Странникомъ и что въ Верхнюю Силезію онъ попалъ изъ сов. Россіи, причѣмъ весь путь изъ Самары до Польши проѣхалъ подъ вагономъ.

Оборваннаго и голоднаго мальчика нагормили, одѣли и направили въ Катовицы. Оттуда его въ свою очередь направили въ Конель, гдѣ, какъ оказывается, живетъ его бабушка.

Ночная фіалка

Есть въ средней Россіи такая удивительная цвѣтокъ, который цвѣтетъ только по ночамъ въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ и отличается предельнымъ надильнымъ ароматомъ, необычайно сильнымъ при наступленіи ветра. Будучи же сорваннымъ и доставленнымъ въ воздухъ, онъ къ утру на чинаетъ неприятно смердеть. Онъ вовсе не роля скромной фіалки. Ночной фіалкой его назвали беззастѣнливо дѣвочки и интеллигентныя особы. Крестьяне разнѣхъ деревень дали ему нѣсколько разнообразныхъ и выразительныхъ названій, которыя вынали теперь изъ моей головы, и я такъ и буду называть этотъ цвѣтокъ ночной фіалкой.

Онъ не употребляется у крестьянъ ни какъ целебное растеніе, ни какъ украшеніе на Троицкнй день или на свадьбу. Про это его какъ бы не замечаютъ и не дѣлать. Говорятъ кое гдѣ, что нахушнй цвѣтокъ этотъ ичѣтъ какую то связь съ конокрадами, колдунами и вѣдмами, но изучаю тѣи народнаго фольклора до этого не добираюсь.

Странныя и, пожалуй, невѣроятныя исторіи разсказывалъ мнѣ о ночной фіалкѣ Максимъ Павловичъ Трапезниковъ, саратовскій и парижскій землѣвръ, мой хитрый закапаченный дружокъ, человекъ умный, трезвый и серьезный.

Мы тогда шли съ нимъ на зеленнсковъ парочку въверхъ по Волгѣ, лакомься какъ сквины сѣрагадами и сурскими раками, и ввремя намъ вѣдалъ было некогда, а на разговоръ о ночной фіалкѣ насъ навела ее селая дѣвчушка, лѣтъ семн-восми, которая на небольшой пристани бойко продавала крошечные букетики этихъ цвѣтковъ.

— Вы правы, — сказала она, — жалетъ

нико, никто не знаетъ его народнаго названія или очень быстро его забываютъ. А что ка сается филологическаго цвѣта, то этого цвѣта русский народъ совсѣмъ не знаетъ и нѣдѣлъ не употребляетъ. Любимый онъ еще понимается по сирени, да и то говорить, не сиреневый, а сивеневый. И, стало быть, наименованіе цвѣтка «спочная фіалка» выдуманно трамчетьями. А вотъ, почему оно такъ широко распространилось по всему краю земли русской, этого я — воля ваша — усннть себѣ никакъ не могу.

— Но вы послушайте-ка, что я вамъ сейчасъ разскажу объ этомъ цвѣткѣ. Ужъ и тѣмная исторія. Разскажи мнѣ ее другой, сторонній человекъ — ни за что ему не повѣрилъ бы, сказалъ бы: брешетъ, парень, какъ мнѣ забываетъ, уши заговариваетъ. Но въ томъ то и дѣло, что во всемъ, что я вамъ разскажу, была я и прнсталъ своимъ свидѣтелемъ, и дѣйствующихъ лицъ, и можно сказать, платеной жертвой. Жгучееваго явля не хватить ли нямъ по черепушечкѣ? Для освѣженія горла? Знатное зѣлье днво.

— Ну, и такъ — оловилъ я курекъ въ московскомъ землѣврномъ институтѣ и вышлелъ изъ него землѣвр-инженеромъ, съ дипломомъ перваго разряда и съ золотымъ гербомъ на фуражкѣ. Поѣхалъ немедленно въ Иерннскъ къ мамѣ палочкѣ и мамочкѣ въ родной уголъ. Папаша мой за всю свою рабочую жизнь обавелелъ въ вѣнчѣхъ уѣздъ стая три десятка землншки, мамочка моя лежного вспахнула отъ ротельскаго умелія:

— Вотъ, — говоритъ, — какъ Господь Богъ хорошо и латно устроилъ, что и отду отъ трудовъ праведныхъ можно будетъ отдохнуть въ своемъ собственномъ домишкѣ, и тебѣ самостоятельно отпосево мѣсто и отпосеку службу взять на свои рамена. А пока что, чмъ тебѣ и знатьку небыту немыслимъ. У насъ, въ Закавказьи этого добра — планетарій край; и умны, и красны, и риботчнн, и съ хоронимъ прнчалнми.

Но тутъ отецъ слегка перебилъ возлюб-

ленную супругу свою:

— Подожди, мать моя. Усѣмъ съ полами на торъ. О женѣ Максимъ рано еще загадывать. Всего двндать зѣлье ему. Пуслай у насъ на свободу поблгаетъ, введо по лѣтъ, пополь, возмужомъ свѣжнмъ полъ столпы наднметъ, знкометамъ обавне денен, поохотнтся, рыбу половнтъ, а тамъ ужъ, что Богъ дастъ. Ружье то мое знаменитое возьми, Максимъ, себѣ на память, а я ужъ старъ сталъ на охоту ходить. Помче бѣлнцъ, да и за шеку.

И, нло сказать, послѣ казенной замкнуты и тѣсной жизни прнстрѣтнлся а къ охотѣ, какъ пылнпа къ вину. Цѣлые дни проводилъ на охотѣ. Постояннымъ ситункю мнѣ мнѣ, а покладу, и учитель былъ ветеринаръ Ивановъ (старше оны стлнлн на я — Иванюкъ); жалнн, неутомнмъ, опытный охотннкъ, прекресо набрнзанный ружейные патроны и бывшій прже де любимымъ сотоварищемъ отпа по охотѣ. Часто мы съ нимъ собирались уйтн пздома сутонъ на три, четыре и тогда влючнлн на мамаша Агата, ея правая рука по хозяйству — свѣжлала памн ягдншка похнчѣвъ свѣжнмъ, на случай голода, и сорбруваемъ, на случай болотной простуды. И мы уходили куда раньше зарн.

Странно: я уже лѣтъ съ десятъ зналъ эту Агату (настоящее то ея имя было Агата, но ужъ мама для благозвучія стала называть ее Агатовъ), всегда влѣтъ ее прнблнжа огнемъ на макапн, а потомъ, въ Москвѣ, ннкакъ не могъ вспомнть ея лица, голоса и фигуры. Тнжъ, что то тнжое, молчаливое, опрнтное, блѣдное и съ какой то неуловнмой странностью въ глазахъ.

Ну, а теперь поступаю ближе къ моему разсказу. Какъ то охотнлся мы съ Ивановымъ въ отдаленныхъ болотцахъ на дунелѣ, бѣсаево и крнпншнловъ и заманъ етъ дома довольно далеко, такъ, что даже мой стрелннкъ сталъ вертѣть головой, оловнзая къ чѣсннннн. Потомъ умнлнн, что стѣл то на мамѣ маячатъ чуть замѣтно урваные стелы. Ивановъ говоритъ: «Сей, кажется, это мѣсто знаю. Это домиш-

ко поставленный на столбы на случай пожара, но теперь она почти рухнула, а живетъ въ немъ старая цыганка. Бабы говорятъ, что она, будто бы, колдунья. Мы съ вами, какъ зли образованные конечно, этимъ бабынмъ глупостямъ не вѣрнмъ, а, однако, попробуемъ. Подемъ лѣтъ, поохотнтся, рыбу половнтъ, а тамъ ужъ, что Богъ дастъ. Ружье то мое знаменитое возьми, Максимъ, себѣ на память, а я ужъ старъ сталъ на охоту ходить. Помче бѣлнцъ, да и за шеку.

И, нло сказать, послѣ казенной замкнуты и тѣсной жизни прнстрѣтнлся а къ охотѣ, какъ пылнпа къ вину. Цѣлые дни проводилъ на охотѣ. Постояннымъ ситункю мнѣ мнѣ, а покладу, и учитель былъ ветеринаръ Ивановъ (старше оны стлнлн на я — Иванюкъ); жалнн, неутомнмъ, опытный охотннкъ, прекресо набрнзанный ружейные патроны и бывшій прже де любимымъ сотоварищемъ отпа по охотѣ. Часто мы съ нимъ собирались уйтн пздома сутонъ на три, четыре и тогда влючнлн на мамаша Агата, ея правая рука по хозяйству — свѣжлала памн ягдншка похнчѣвъ свѣжнмъ, на случай голода, и сорбруваемъ, на случай болотной простуды. И мы уходили куда раньше зарн.

Странно: я уже лѣтъ съ десятъ зналъ эту Агату (настоящее то ея имя было Агата, но ужъ мама для благозвучія стала называть ее Агатовъ), всегда влѣтъ ее прнблнжа огнемъ на макапн, а потомъ, въ Москвѣ, ннкакъ не могъ вспомнть ея лица, голоса и фигуры. Тнжъ, что то тнжое, молчаливое, опрнтное, блѣдное и съ какой то неуловнмой странностью въ глазахъ.

Ну, а теперь поступаю ближе къ моему разсказу. Какъ то охотнлся мы съ Ивановымъ въ отдаленныхъ болотцахъ на дунелѣ, бѣсаево и крнпншнловъ и заманъ етъ дома довольно далеко, такъ, что даже мой стрелннкъ сталъ вертѣть головой, оловнзая къ чѣснннн. Потомъ умнлнн, что стѣл то на мамѣ маячатъ чуть замѣтно урваные стелы. Ивановъ говоритъ: «Сей, кажется, это мѣсто знаю. Это домиш-

ко поставленный на столбы на случай пожара, но теперь она почти рухнула, а живетъ въ немъ старая цыганка. Бабы говорятъ, что она, будто бы, колдунья. Мы съ вами, какъ зли образованные конечно, этимъ бабынмъ глупостямъ не вѣрнмъ, а, однако, попробуемъ. Подемъ лѣтъ, поохотнтся, рыбу половнтъ, а тамъ ужъ, что Богъ дастъ. Ружье то мое знаменитое возьми, Максимъ, себѣ на память, а я ужъ старъ сталъ на охоту ходить. Помче бѣлнцъ, да и за шеку.

И, нло сказать, послѣ казенной замкнуты и тѣсной жизни прнстрѣтнлся а къ охотѣ, какъ пылнпа къ вину. Цѣлые дни проводилъ на охотѣ. Постояннымъ ситункю мнѣ мнѣ, а покладу, и учитель былъ ветеринаръ Ивановъ (старше оны стлнлн на я — Иванюкъ); жалнн, неутомнмъ, опытный охотннкъ, прекресо набрнзанный ружейные патроны и бывшій прже де любимымъ сотоварищемъ отпа по охотѣ. Часто мы съ нимъ собирались уйтн пздома сутонъ на три, четыре и тогда влючнлн на мамаша Агата, ея правая рука по хозяйству — свѣжлала памн ягдншка похнчѣвъ свѣжнмъ, на случай голода, и сорбруваемъ, на случай болотной простуды. И мы уходили куда раньше зарн.

Странно: я уже лѣтъ съ десятъ зналъ эту Агату (настоящее то ея имя было Агата, но ужъ мама для благозвучія стала называть ее Агатовъ), всегда влѣтъ ее прнблнжа огнемъ на макапн, а потомъ, въ Москвѣ, ннкакъ не могъ вспомнть ея лица, голоса и фигуры. Тнжъ, что то тнжое, молчаливое, опрнтное, блѣдное и съ какой то неуловнмой странностью въ глазахъ.

Ну, а теперь поступаю ближе къ моему разсказу. Какъ то охотнлся мы съ Ивановымъ въ отдаленныхъ болотцахъ на дунелѣ, бѣсаево и крнпншнловъ и заманъ етъ дома довольно далеко, такъ, что даже мой стрелннкъ сталъ вертѣть головой, оловнзая къ чѣснннн. Потомъ умнлнн, что стѣл то на мамѣ маячатъ чуть замѣтно урваные стелы. Ивановъ говоритъ: «Сей, кажется, это мѣсто знаю. Это домиш-

ко поставленный на столбы на случай пожара, но теперь она почти рухнула, а живетъ въ немъ старая цыганка. Бабы говорятъ, что она, будто бы, колдунья. Мы съ вами, какъ зли образованные конечно, этимъ бабынмъ глупостямъ не вѣрнмъ, а, однако, попробуемъ. Подемъ лѣтъ, поохотнтся, рыбу половнтъ, а тамъ ужъ, что Богъ дастъ. Ружье то мое знаменитое возьми, Максимъ, себѣ на память, а я ужъ старъ сталъ на охоту ходить. Помче бѣлнцъ, да и за шеку.

И, нло сказать, послѣ казенной замкнуты и тѣсной жизни прнстрѣтнлся а къ охотѣ, какъ пылнпа къ вину. Цѣлые дни проводилъ на охотѣ. Постояннымъ ситункю мнѣ мнѣ, а покладу, и учитель былъ ветеринаръ Ивановъ (старше оны стлнлн на я — Иванюкъ); жалнн, неутомнмъ, опытный охотннкъ, прекресо набрнзанный ружейные патроны и бывшій прже де любимымъ сотоварищемъ отпа по охотѣ. Часто мы съ нимъ собирались уйтн пздома сутонъ на три, четыре и тогда влючнлн на мамаша Агата, ея правая рука по хозяйству — свѣжлала памн ягдншка похнчѣвъ свѣжнмъ, на случай голода, и сорбруваемъ, на случай болотной простуды. И мы уходили куда раньше зарн.

Странно: я уже лѣтъ съ десятъ зналъ эту Агату (настоящее то ея имя было Агата, но ужъ мама для благозвучія стала называть ее Агатовъ), всегда влѣтъ ее прнблнжа огнемъ на макапн, а потомъ, въ Москвѣ, ннкакъ не могъ вспомнть ея лица, голоса и фигуры. Тнжъ, что то тнжое, молчаливое, опрнтное, блѣдное и съ какой то неуловнмой странностью въ глазахъ.

Ну, а теперь поступаю ближе къ моему разсказу. Какъ то охотнлся мы съ Ивановымъ въ отдаленныхъ болотцахъ на дунелѣ, бѣсаево и крнпншнловъ и заманъ етъ дома довольно далеко, такъ, что даже мой стрелннкъ сталъ вертѣть головой, оловнзая къ чѣснннн. Потомъ умнлнн, что стѣл то на мамѣ маячатъ чуть замѣтно урваные стелы. Ивановъ говоритъ: «Сей, кажется, это мѣсто знаю. Это домиш-

рнтъ. Больше всего опаснлся, молодой баринъ, лошапатаго и кошачьего глаза, а еще духовитой ночной травы, а еще болше — пошляго мѣднца. И теперь желаю тебѣ пути добраго. А если когда этихъ трнхъ мохъ злнхъ недуровъ захвораетъ, заходи ко мнѣ въ хиборку мою, а тебѣ отворю вѣрннй дачъ.

Умнл мы и болше въ этотъ день не охотнлись, а когда возвратнлись домой, то Ивановъ все мнѣ плнцъ за вытанку: — Не могли ннчего дунне выдунать, какъ фарлавою огрнло сплать нна стравнть, Ахъ вы, ученые естествознателн!

На другой день съ утра пошелъ дождь и заледнл налдогъ. Прнмеле, оставнть охоту и заняться дѣлчъ чѣпннмъ, а ввечеромъ вынтномъ въ общественомъ клубѣ нли прѣферансомъ по малейшой съ рндетелнми Самъ не могу припомнть, когда мнѣ вдругъ несказанно поравнлн глаза Агаты. Кажется, это было за столомъ. Случайно взглянувъ на Агату, я увидѣлъ, что въ ея зрачкахъ горятъ странные тнжѣ огоннки. Они мѣнялись сообразно поворотамъ Агатиной головы то зелеными, то красными, то пловными, то филоновыми. Такую свѣтловую игру глазъ я видѣлъ ннгда у лошадей и комекъ въ темномъ помѣщеннн. П, вотъ, съ этого мгноवनя, какъ бы впервые увидѣлъ Агату, которую зналъ, но тогда не видѣлъ въ тѣлене нѣсколькихъ лѣтъ. Она вдругъ показалась мнѣ и выше ростомъ, и строинѣе и убрнннѣе въ своихъ спокойныхъ, неторопливыхъ движенняхъ. Сколько ей было лѣтъ, я не могъ разблрнть. Тридцать? Тридцать лѣтъ? Сорокъ? Нижнюю ея губу время отъ времени бнхъ ро дергалъ небольшой тнжъ. Она нпкогда не смѣялась и не улыбалась, но въ добрыя и прнннныя минуты ея лицо какъ то теплѣло выедало на короткое время и съ вознлсь прнвѣтательнымъ.

А. Купрннъ.

(Оловчаннѣ саэтра).